

Повозившись добрую половину дня, Чжоу-чжоу наконец-то наелся и заснул. Он свернулся калачиком в колыбели, его личико во сне было безмятежным.

Су Ци чувствовал себя так, будто от долгого сидения с детьми у него разломалась спина и отнялись ноги. В прошлой жизни он был безотказным работягой, нянчившим ребенка двоюродной сестры, а теперь, после перемещения, ему приходится нянчить еще и ребенка первоначального владельца тела — жизнь просто невыносима.

Су Ци аккуратно подоткнул одеяло со стороны Чжоу-чжоу, со зевком забрался на кровать и совершенно забыл о Хуньдуне, который в это время убирал последствия бардака — остатки фруктов.

Су Ци сладко зевнул, и не успел он закрыть глаза и погрузиться в сон, как сзади донесся звук — это Хуньдун потушил свечу. Затем Су Ци почувствовал, как одеяло рядом с ним приподнялось, и кто-то на цыпочках забрался на кровать.

Су Ци резко проснулся, вспомнив, что в этой комнате всего одна кровать, и подумав, не станет ли неловко, если он сейчас предложит пойти поспать в гостевой.

Однако он пересилил себя, слегка приподнялся и спросил Хуньдуна, который еще не успел лечь:

— Ты будешь спать со мной?

Его вопрос только с виду казался вопросом, на самом деле в нем выражалось нежелание. Но формулировка оказалась слишком мягкой, и прямолинейный Хуньдун вовсе этого не понял.

— Угу, мы же муж и муж, разве ненормально спать вместе? — с недоумением ответил Хуньдун, после чего заботливо поинтересовался: — Что такое, жена?

— Ничего.

Су Ци чуть было не забыл, каково здесь положение первоначального владельца тела. Раз уж он занимает чужое место жены, делить с кем-то постель вполне естественно.

Он вовсе не капризничал, просто... он гей! Как можно не возражать против того, чтобы делить ложе с представителем своего пола? Он же начнет накручивать себя!

— Спи давай, жена.

Хуньдун не стал ломать голову и, потянув Су Ци за собой, собрался лечь. Су Ци немного посопровтивлялся, не желая ложиться вслед за Хуньдуном, и вместо этого упорством спросил:

— Ты... Разве мы, божественные звери, не небожители? Бессмертные тоже спят? Разве они не занимаются медитацией и самосовершенствованием?

— Нет. Многие божественные звери среди нас в сне не нуждаются, — отвечая на вопрос, Хуньдун невольно накрутил на палец прядь мягких длинных волос Су Ци и продолжил: — Сон — это просто подражание смертным, иначе чем заниматься долгими ночами? Что касается медитаций и самосовершенствования, то этим занимаются смертные, восходящие к бессмертию. Способности божественных зверей даны от рождения, а духовная сила растет с годами — накапливать ее с помощью медитаций или чего-то подобного не нужно. Ну а если хочется быстро накопить духовную силу и стать сильнее, у разных зверей есть свои способы... Например, Таотие в основном полагается на еду, а Писю — на накопительство...

Произнеся это, Хуньдун пристально, с горящим взглядом посмотрел на собственную жену:

— В чем дело, жена? Ты спрашиваешь об этом, потому что...

Заметив, что взгляд собеседника становится все более пламенным, Су Ци сообразил, что в такое время суток подобные разговоры легко могут натолкнуть на дурные мысли, и у него по спине пробежал холодок. Он торопливо бросил:

— Ничего, давай спать.

С этими словами Су Ци лег, подвинул поближе подушку и, натянув половину одеяла, забился в угол к стене.

Их кровать была не сказать чтобы большой, как раз на двоих. Хуньдун с недоумением посмотрел на то, как жена отчаянно вжалась в стену, натягивая на себя одеяло, протянул длинную руку, намереваясь притянуть его обратно, и спросил:

— Жена, чего это ты забрался так далеко от меня?

Рука Хуньдуна легко обхватила Су Ци за талию и чуть потянула на себя, так что спина Су Ци прижалась к источавшей тепло печи груди Хуньдуна, а его горячее дыхание целиком овеяло заднюю часть шеи.

Су Ци замер, не смея пошевелиться. Тело его одеревенело, он не знал, что и делать, и мог лишь позволить Хуньдуну крепко прижать себя к груди.

— Хун... Хуньдун? — не дождавшись от того никаких действий, тихо позвал Су Ци.

— М-м... — тут же раздался у него над ухом смутный, ленивый ответ Хуньдуна.

Не дождавшись от Хуньдуна вопроса о том, что случилось, Су Ци с сомнением попытался выкатиться из его объятий, но Хуньдун держал очень крепко. Почувствовав движение, он снова прижал его к себе поплотнее.

— Спи, жена.

Хуньдун машинально опустил голову, желая успокоить заключенного в объятия человека, и его горячие влажные губы легко скользнули по чувствительной мочке уха Су Ци.

Влажное дыхание и мягкие губы прошлись по коже разом, заставив Су Ци невольно сжаться. Он крепко сжал губы, заставляя себя закрыть глаза.

Он одновременно занимался самоубеждением и не мог не презирать себя в душе:

Су Ци, имей совесть! Мужчина у тебя за спиной — это не твой краш с первого взгляда из гей-бара, это женатый мужик с ребенком! Ты не должен предаваться фантазиям насчет него только потому, что занял тело его жены! Хотя он и вправду хорош собой...

Ладно, он чертовски хорош собой!

К тому же чертовски хорош ровно настолько, чтобы полностью соответствовать всем его эстетическим критериям!

Но... но!

Так нельзя!

Су Ци, ты — гей с моральными принципами! Ни в коем случае не связывайся с женатыми мужчинами!

Нельзя!

Обязательно нужно держаться на расстоянии, пока не вернется настоящий хозяин тела!

Думая об этом, Су Ци попытался отодвинуться в сторону, но, боясь разбудить Хуньдуна, долго возился и жеманился, пока не сдвинулся самую малость, зато выбился из сил.

Ночь была долгой. Су Ци то промывал себе мозги, то отчаянно пытался спастись от лап Хуньдуна. Сам он не заметил, сколько времени на это ушло, но в конце концов незаметно заснул.

Когда на следующий день он открыл глаза, то обнаружил, что с комфортом устроился в чужих объятиях, подложив под голову руку этого человека, одна его нога закинута меж ног собеседника, а рука и вовсе бесцеремонно лежит на поднимающейся и опускающейся в такт дыханию груди.

Су Ци еще толком не проснулся, соображалка не работала. Он с недоумением подумал о том, с чего бы это рядом с ним кто-то спит, а затем с любопытством поднял голову и встретился взглядом со светлыми глазами, в которых плескалась улыбка.

Его мозг мгновенно включился. Су Ци чуть не подпрыгнул от испуга, но из-за того, что слишком долго проспал в одной позе, тело немного затекло, да к тому же рука на талии ощущалась слишком явно — сдвинуться с места он не мог, поэтому ему оставалось лишь запрокинуть лицо и предаться раскаянию.

Какая досада! Как это он снова скатился в чужие объятия? Ведь вчера перед сном он уже выбрался из них!

Хуньдун проснулся очень рано. Он не особо нуждался во сне, а ложился скорее по привычке, и обычно его глаза автоматически открывались с первыми лучами солнца.

Сегодня утром, проснувшись и обнаружив, что в объятиях никого нет, он еще не успел испугаться, как заметил под одеялом на расстоянии вытянутой руки какой-то бугорок, из-под которого торчала лишь макушка со спутанными волосами.

Сердце Хуньдуна успокоилось. Он на цыпочках передвинулся и заключил человека в объятия.

Тот еще крепко спал. Потревоженный легким движением, он затрепетал опущенными ресницами, похожими на крылья бабочки, и из носа вырвалось тихое хмыканье.

Хуньдун испугался, что побеспокоил собственную жену, и едва не затаил дыхание. Кто же знал, что Су Ци просто хмыкнет, перевернется на другой бок и зароется ему в грудь.

Хуньдуну очень нравилось ощущение зависимости со стороны жены, поэтому он радостно потерялся о ее макушку и, счастливо обнимая супругу и прислушиваясь к ее ровному, размеренному дыханию, предавался глупому блаженству.

Не успел он насладиться этим вдоволь — то ли жена выпалась, то ли еще что, — как та внезапно проснулась, сонно потыкала его в грудь и подняла лицо.

Глядя на заспанную жену с несколькими прядями волос на лице, с влажными ресницами и заторможенным выражением, Хуньдун почувствовал, как его сердце бешено заколотилось от возбуждения.

После этого, движимый привычкой, он опустил голову, желая поцеловать губы человека в своих объятиях.

Но человек в объятиях мгновенно пришел в себя, расторопно уперся ладонью ему в губы и выдавил из себя улыбку:

— Утром... добрым утром, Хуньдун.

Хуньдун недовольно скривил губы, но ничего не сказал, а когда жена убрала руку, тоже ответил:

— С добрым утром, жена.

Заметив, что Хуньдун больше не собирается его целовать, Су Ци с облегчением выдохнул и неторопливо поднялся вместе с ним.

Стоило им проснуться, как проснулся и Чжоу-чжоу. Он захныкал, судя по всему, от голода.

Су Ци поспешил к колыбели, чтобы проверить малыша, осторожно взял его на руки и отправил Хуньдуна выжимать сок для Чжоу-чжоу.

Поскольку А-Пу отсутствовал, в доме оставались только они втроем, а Хуньдун не разрешал ему уходить далеко, Су Ци оставалось лишь бесцельно бродить с Чжоу-чжоу вокруг, дабы не оставаться с Хуньдуном наедине.

И тогда Су Ци с прискорбием обнаружил, что в этом доме всего одна кровать.

Если только он не собирается спать на полу, ему придется делить постель с Хуньдуном.

Су Ци деликатно заикнулся Хуньдуну о том, можно ли с помощью заклинания сотворить еще одну кровать, но получил отказ:

— Зачем создавать еще одну кровать? На этой вполне хватит места для нас с женой.

Су Ци не смел вести себя слишком странно, опасаясь вызвать подозрения Хуньдуна, поэтому ему пришлось смириться.

Так они делили ложе с Хуньдуном еще две ночи, и каждое утро Су Ци с удивлением обнаруживал, что просыпается в его объятиях.

Самое страшное было в том, что у Хуньдуна, похоже, вошло в привычку целовать его по утрам.

Стоило тому проснуться, как он лез целоваться. Отвертеться в первый или второй раз еще удавалось, но не в третий — как, например, сегодня.

Сонно приоткрыв глаза и еще не сообразив, что снова оказался в объятиях Хуньдуна, он почувствовал прикосновение горячих губ.

Су Ци почувствовал неладное, ощущая, что что-то не так, и лишь когда партнер попытался разомкнуть его губы языком, внезапно всё понял.

Су Ци резко проснулся, в его голове завыла сирена тревоги, и он протянул руку, намереваясь оттолкнуть мужчину. Но не успел он приложить усилие, как из-за пределов дома донесся полный бодрости голос А-Пу:

— Папа! Мама! Я вернулся!

Хуньдун, собиравшийся углубить этот поцелуй, был прерван собственным сыном. Недовольно подняв голову, он не удержался от ворчания:

— Мелкий паршивец вечно всё испортит!

<http://bllate.org/book/22330/2339055>